

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОРРЕКТНОЙ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НА ДРУГОЙ ЯЗЫК

Лебедева А. А.

*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья посвящена выявлению трудностей практического перевода юридических терминов на другой язык и анализу причин появления переводческих ошибок.

Процедура и методы. При работе со специально отобранными аутентичными англо- и русскоязычными юридическими текстами применялись такие методы анализа эмпирического материала, как контекстуальный и контрастивный.

Результаты заключаются в обобщении и структурировании значительного массива данных, предлагается алгоритм межкультурной адаптации юридических текстов. Параллельно обосновывается необходимость проведения многоаспектного анализа культурологических особенностей страны изучаемого иностранного языка в рамках образовательного процесса с целью избежать возможных переводческих ошибок в дальнейшей профессиональной деятельности.

Теоретическая и практическая значимость. Автор развивает теорию культурного компонента значения, выявляемого при лексико-семантическом анализе терминологических единиц гуманитарных областей знания, и рассматривает трудности межязыкового перевода юридической терминологии. В работе приводятся примеры переводческих ошибок при работе с юридической терминологией. Статья будет интересна преподавателям факультетов иностранных языков и переводчикам-практикам.

Ключевые слова: параллельный перевод, межязыковой перевод юридической терминологии, неологизм, переводческая ошибка, лексико-семантический анализ, лингво-культурологический аспект

ON THE PROBLEM OF CORRECT LEGAL TERMINOLOGY INTERLINGUAL SEMANTIC TRANSFERENCE

A. Lebedeva

All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) ulitsa Azovskaya 2 build. 1, Moscow 117638, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper describes difficulties of legal terminology translation practices, and analyzes the reasons of translation errors.

Methodology. The methods of contextual analysis as well as contrastive analysis were applied during the research based on selected authentic English and Russian law-specific texts.

Results. The work presents generalization and structuring of significant amount of data, an algorithm for cross-cultural adaptation of law-specific texts is also proposed. The need for carrying out a multidimensional analysis of cultural peculiarities of the country of the foreign language studied as part of the educational process, in order to avoid translation mistakes in further professional activity, is substantiated as well.

Research implications. The author develops the theory of the cultural component of meaning detected in the process of the lexical-semantic analysis of terminological units in the humanitarian fields of knowledge, and focuses on the difficulties of legal terminology interlingual translation. The paper presents examples of translation mistakes in legal terminology. It will be of interest to teachers of foreign language faculties, translators, practitioners.

Keywords: parallel translation, interlingual legal terminology translation, neologism, translation mistake, lexical-semantic analysis, linguo-cultural aspect

Введение

Конец XX в. и первые десятилетия XXI века в английском языке, как и во многих других языках, характеризуются, с одной стороны, формированием и расширением терминологических подсистем в результате интеграции и дифференциации различных отраслей знаний, возникновением новых дисциплин, а с другой стороны, возникновением большого количества неологизмов. Особенности формирования узкоспециальных отраслевых терминологий, задачей которых была номинация явлений и объектов в той или иной научной области или практической сфере человеческой деятельности, а также специфические черты так называемого «неологического бума» в последние годы неоднократно привлекали внимание многих лингвистов (см. [1–11] и др.).

Сложности корректной передачи семантической конфигурации юридических терминов на другой язык

Корректность контекстного перевода считается основополагающим фактором адекватности переводческих решений при работе с различными видами дискурса, в том числе в условиях функционирования широкого пласта омонимов и многозначных слов. Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе и соответственно подбор адекватного эквивалента на другом языке всегда требовали от переводчика не только наличия лексикограмматических навыков владения языком, но и наличия фоновых знаний и культурологической компетенции.

К факторам, затрудняющим перевод, как правило, относят отсутствие эквивалентов, несовпадение объёма значения или отсутствие реалий, метафоризацию как разновидность лексико-семанти-

ческого способа терминологического образования, контекстные культурологические особенности, языковые интерференции и национальные языковые традиции (например, излишнее многословие и избыточное использование синонимов в англоязычных юридических текстах) [2–5; 7]. В числе факторов, существенных для достижения точности перевода, в лингвистической литературе нередко также упоминают межвариантную вариативность, особенности пунктуации и стиль речи, характерные для данного конкретного вида дискурса.

Нередко возникает необходимость выбора корректного переводческого эквивалента в зависимости от типа дискурса. Так, в юридически значимом контексте слово “tort” (дословно «деликт») целесообразно переводить на русский язык как «вред, причинённый личности или имуществу» в соответствии со статьёй 1064 Гражданского кодекса РФ, т. к. в российском законодательстве отсутствует термин «деликт» (хотя он и используется в теоретических работах российских правоведов). Подобная ситуация наблюдается и с термином “franchising”, который целесообразно переводить в юридически значимых текстах как «коммерческая концессия» (глава 54 ГК РФ, статьи 1027–1040), хотя с экономической точки зрения приемлем и второй вариант перевода «франчайзинг». Термин “manslaughter” в англо-русских словарях обычно переводят как «непредумышленное убийство», но в юридически значимом контексте наиболее корректными будут формулировки «причинение смерти по неосторожности» (ст. 109 УК РФ) или «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть» (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Особые сложности при подборе корректного иноязычного эквивалента часто наблюдаются при расхождении семантических конфигураций различных терминов в условиях функционирования параллельных терминосистем в разных

языках, например, с такими юридическими понятиями как “specific performance”, “summary offences” и “plea bargaining”.

Словосочетание “specific performance” в юридически значимом контексте нужно переводить как «реальное исполнение обязательства» или «исполнение обязательства в натуре» (а не дословно как «особый порядок» – этот вариант перевода относится к «ложным друзьям переводчика»). Как известно любому российскому юристу, «реальное исполнение обязательства» – это один из принципов (способов) исполнения обязательств, в соответствии с которым обязанности должника сводятся к исполнению обязательств в натуре, то есть совершение им действий, составляющих содержание обязательства (передать определённую вещь, выполнить определённую работу, оказать соответствующую услугу). “Specific performance” (средство правовой защиты по праву справедливости) представляет собой постановление суда, обязывающее сторону выполнить договорные обязательства.

Что же касается термина «особый порядок», то в российском уголовно-процессуальном праве можно выявить два подвида «особого порядка принятия решения» и соответственно два возможных варианта перевода термина на английский язык.

1. «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» – это особый порядок судебного разбирательства, отличный от обычного, в рамках которого судья проводит судебное заседание в упрощённой форме и не проводит исследование и оценку доказательств, собранных следствием по уголовному делу (т. к. подсудимый признал свою вину). При этом подсудимому назначается наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершённое преступление.

Этот вид «особого порядка принятия судебного решения», на наш взгляд, схож с режимом “summary offences” (упрощённое (ускоренное / суммарное) производство) в США и Великобритании.

Около 90% уголовных дел в Англии рассматриваются магистратскими судами в порядке упрощённого (суммарного) производства при условии признания обвиняемым своей вины. Упрощённая процедура предполагает оперативное рассмотрение дела без соблюдения строгих формальных правил, не предусмотрены участие присяжных и оценка достаточности представленных доказательств вины, а основная доказательная база – протоколы и рапорты полицейских. Наказание в таких случаях обычно не превышает пяти лет тюремного заключения. Более того, в суммарном производстве подсудимому даётся возможность выразить признание вины в письменной форме, т. е. его явка в суд не обязательна. В Англии в рамках суммарного производства рассматриваются как малозначительные правонарушения, так и некоторые тяжкие преступления, не представляющие особой опасности для общества. К числу “summary offences” в Англии относят также транспортные нарушения (превышение скорости, неправильную парковку и т. п.), т. е. аналогом судопроизводства в режиме “summary offences” в российском праве можно считать судебный процесс по административным правонарушениям. В США в режиме упрощённого (суммарного) судопроизводства также рассматривается около 90% всех уголовных дел: при этом отсутствуют стадии предварительного рассмотрения дела в суде и первоначальной явки, не предусмотрено участие присяжных.

2. «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» отличается от первого варианта «особого порядка судебного разбирательства» тем, что подсудимый не просто признал свою

вину, но ещё и помог следствию¹. Наиболее приемлемым вариантом перевода при этом нам кажется термин “plea bargaining” (амер. «переговоры о заключении сделки о признании вины», сделка с правосудием).

Некоторая путаница наблюдается с переводом на английский язык понятий, связанных с российским арбитражем и арбитражными судами.

В РФ вся судебная система представлена тремя видами государственных судов:

а) судами общей юрисдикции (рассматриваемыми административные, уголовные и гражданские дела, не связанные с предпринимательской деятельностью);

б) арбитражными судами (рассматриваемыми административные и гражданские дела, связанные с предпринимательской деятельностью, т. е. споры, вытекающие из экономической деятельности физических и юридических лиц);

в) конституционными (уставными) судами.

¹ В РФ срок подачи ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на имя прокурора через следователя: с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. Специфика этого варианта особого порядка: следователь (а позже и прокурор) может отказать в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, если посчитает, что предложенное содействие является незначительным для следствия. При этом в рамках судебного разбирательства суд должен установить, в чем выразилось и какое значение для следствия имело содействие подсудимого в раскрытии и расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления и т. д.

В РФ подсудимый освобождается от пожизненного лишения свободы или смертной казни, а также срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного уголовным кодексом за совершенное преступление. В США заключение сделки о признании вины (между прокурором / обвинением и подзащитным / адвокатом) не гарантирует снижения обвиняемому наказания и официально только указывает на возможность такого исхода дела, т. к. суд не считается связанным какими-либо законодательными ограничениями.

Подчеркнём, что в РФ существует официальное понятие арбитража, подразумевающее рассмотрение спора в третейском суде (негосударственном) – в соответствии с ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ. Таким образом, в России «арбитраж» – это не судебная инстанция, а процесс в третейском суде.

В англосаксонских странах используется только одно понятие, имеющее связь с чем-то арбитражным – это “arbitration” – как альтернативный способ внесударственного урегулирования спора, где стороны представляют свои позиции нейтральной третьей стороне (арбитру / арбитрам). В системе британского права¹ есть понятие “Alternative Dispute Resolution” (ADR). Эта процедура состоит, как правило, из двух этапов (после negotiation) внесударственного урегулирования спора: а) mediation (Court-Annexed Arbitration / досудебный арбитраж); и б) arbitration (commercial arbitration / коммерческий арбитраж).

Соответственно, когда российские юристы говорят на английском языке “arbitrazh courts”, они имеют в виду наши «арбитражные суды» (государственные). Но британские юристы зачастую воспринимают это через призму своей правовой реалии и отождествляют российские “arbitrazh courts” с их “arbitration” (внесударственный способ урегулирования споров). Более того, российские юристы нередко калькой переводят на английский язык наш «арбитраж» (третейское или негосударственное разбирательство) как “arbitrazh”. Тогда британские юристы испытывают замешательство, поскольку понимают, что есть “arbitrazh courts”

¹ Федеральные суды и суды штатов США, рассматривающие коммерческие споры, являются государственными. В Англии и Уэльсе как низшие судебные инстанции (суды графств, мировые суды, трибуналы), так и суды высшей инстанции (Апелляционный суд, Высокий суд правосудия, Суд короны, в т. ч. рассматривающие коммерческие споры), также являются государственными.

(российские арбитражные суды) и есть “arbitrazh” (российские третейские суды). Поэтому для того чтобы правильно интерпретировать на английском языке название конкретного суда в России, отечественные правоведы наши «арбитражные (государственные) суды» переводят как “arbitrazh courts”, а наш «третейский (негосударственный) суд» или «арбитраж» как “arbitral tribunals” или “commercial court”.

Особенности перевода неологизмов в рамках межкультурной адаптации юридических текстов

В рамках статьи хотелось бы обратить внимание на сложности перевода неологизмов в юридическом контексте, поскольку эта тема не очень подробно описана в лингвистической литературе. Как известно, лексический состав большинства современных языков пестрит неологизмами и иностранными заимствованиями. Одна из статей в газете «Мир новостей» от 26 мая 2021 г. с заголовком «Пранк ради хайпа»² содержит два иностранных заимствования сразу (*пранк* (англ. *prank*) – шутка, розыгрыш, провокация; *хайп* (англ. *hype*) – навязчивая, агрессивная реклама, цель которой формирование предпочтений потребителя, слово *хуре* кроме того используется для обозначения бренда или человека, популярность которых пытаются искусственно раздуть). Речь в статье идёт о блогере Эдварде (Эдуарде) Биле, неоднократно пытавшемся, по мнению автора, устроить очередной хайп ради повышения популярности (например, массовое ДТП 1 апреля 2021 г., виновником которого был Биль; пранк в магазине бытовой техники, где тот сначала на камеру издевался над продавцом, а потом ударил ногой по лицу подошедшего охранника и т. п.).

Нередко заимствования, появившиеся в языке как калька с другого языка, приобретают отличные от оригинала

² См.: Пранк ради хайпа // Мир новостей. 2021. № 22 (1431). С. 6.

значения, или их семантическая конфигурация в конкретном языке меняется со временем. Так, в английском и французском языках прилагательное “brutal” имеет значение «жестокий, грубый, бесчеловечный, отвратительный». Первоначально и в русском языке «брутальность» ассоциировалась с грубостью, прямолинейностью и жестокостью, однако, в современном русскоязычном обществе это слово получило иную окраску: «брутальный мужчина» – это мужественный и жёсткий, но отнюдь не жестокий человек. Более того, подобный персонаж обычно окружён атмосферой загадочности и таинственности.

В лингвистической литературе новые слова, возникшие в языке, называют не только термином «неологизм», но и такими терминами как «новообразование», «инновация», «окказионализм», «новое наименование». Наиболее распространённый – термин «неологизм», хотя его интерпретация варьируется в разных исследованиях. В статье мы рассматриваем неологизмы как словоформы, идиоматические выражения, семантические конфигурации лексических единиц, существующие в определённый период времени в конкретном языке и не функционировавшие ранее в том же языке, подъязыке, языковой ноосфере. Развитие словарного состава языка происходит под влиянием как экстралингвистических, так и интралингвистических факторов (на основе словообразовательного потенциала самого языка, в ходе расширения лексико-семантических вариантов). К внеязыковым причинам возникновения лексико-семантических инноваций можно отнести отсутствие в языке словоформ для обозначения новых культурологических и предметных реалий, необходимость цементирование межъязыковых лакун для более эффективного межкультурного общения, расширение круга носителей языка за счёт развития интернета, деловой коммуникации, межотраслевого взаимодействия. Наличие потенциальных

возможностей обновления языковых средств в самом устройстве языка создаёт предпосылки для эволюционных преобразований. Соответственно к интралингвистическим факторам появления лексико-грамматических новообразований, как правило, относят принцип языковой экономии, изменение семантической или стилистической конфигурации словообразовательных элементов, заимствования из других языков, принцип экспрессивности выражения, стремление к структурной аналогии средств языкового выражения и т. д.

В английском языке наиболее продуктивными способами образования неологизмов считаются аффиксация, словосложение, конверсия, сокращение (аббревиация, усечение), образование словосочетаний, семантическая деривация (расширение или сужение значения, метонимический или метафорический перенос), заимствования (калькирование, транскрипция, транслитерация). Кроме того, используются фонологические способы образования новых наименований на основе появления уникальных конфигураций звуков.

В современном языкознании неологизмы изучаются в рамках разных подходов, среди которых можно выделить следующие:

– денотативный подход (под неологизмами понимают слова, появившиеся в языке с целью обозначения новых понятий или реалий);

– стилистический подход (неологизмами считаются лексические единицы / идиомы, семантическая конфигурация которых приобрела новую стилистическую маркировку);

– лексикографический подход (под неологизмами понимают незарегистрированные ранее в словарях лексические единицы);

– ономаσιологический подход (лексическая единица считается неологизмом при условии приобретения ею новой семантической конфигурации);

– структурно-семантический подход (акцент ставится на составлении различных классификаций неологизмов на основе особенностей употребления, способов образования и т. д.).

Формирование в XX веке новой антропоцентрической парадигмы выдвинуло на первый план человеческий фактор, в результате чего словотворчество стало рассматриваться как феномен языковой личности. Соответственно при изучении проблем неологии (науки о неологизмах – относительно новой отрасли лексикологии) параллельно с вышеупомянутыми подходами к изучению новообразований в языке исследователями, как правило, используются и нижеперечисленные:

– лингвокультурологический подход, акцентирующий внимание на воплощении новых культурных реалий с помощью неологизмов;

– лингвокогнитивный подход, выводящий на первый план взаимодействие когнитивных и лингвистических аспектов внутри неологизмов;

– психолингвистический подход, в рамках которого языковые инновации считаются единицами индивидуального лексикона носителя языка.

Наиболее распространены следующие способы передачи неологизмов с одного языка на другой: калькирование, транскрибирование / транслитерация, лексико-семантическая замена (генерализация / модуляция / конкретизация), объяснение, сохранение формы слова иностранного языка, эквивалентное соответствие. Нередко наблюдается комбинирование вышеуказанных способов. При этом по мнению многих исследователей ([9; 11] и др.) принадлежность неологизма к какому-либо функциональному стилю или тематической группе не влияет на выбор переводческих приёмов.

Наряду с многочисленными разнонаправленными языковыми тенденциями развития юридического английского, наблюдавшимися в современном мире в последние десятилетия (см. об этом под-

робно в [5]), можно заметить появление многочисленных новых лексических единиц в результате научно-технического прогресса, возникновения новых типов преступлений, изменений в различных сферах общественной жизни. Появление компьютерных правонарушений стало причиной появления новых терминов для их обозначения, например, “spearphishing” / “spearphish” (“spearphishing” / “spear phishing”) – принуждение обманным путём отправлять личные данные мошенникам на поддельный веб-сайт после получения письма-приманки от якобы знакомого адресата (фишинг-мошенничество). Лексические единицы “spearphishing” / “fishing for data” привели к возникновению сопутствующих терминов, например, “spearphisher” – преступник в сфере целевого фишинга, “phishing lines” – выуживание сведений (букв. «рыболовные лески»), “phishing expeditions” – зондирование электронной почты (букв. «поездка на рыбалку») и др. Нельзя не заметить и появление таких терминов как:

– “surveillance capitalism” – наблюдательный капитализм, т. е. продажа личных данных пользователей (калькирование);

– “techlash” – противостояние технологическим компаниям (на базе сложения слов “technology”+“backlash” / технология+противостояние: калькирование);

– “digital nomads” – цифровые кочевники, т. е. работающие дистанционно через интернет (калькирование);

– “jackpotting” – джекпоттинг, т. е. установка на банкоматы вредоносных программ для преступного получения денег (на базе слова “jackpot” (крупный выигрыш) + суффикс -ing): транскрибирование + транслитерация);

– “cryptojacking” – криптоджекинг, т. е. незаконное использование чужих компьютеров для получения криптовалюты (на базе сложения слов “cryptocurrency”+“hijacking” / криптовалюта + ограбление: транскрибирование + транслитерация) и т. д.

Такие термины как “connectivity aircraft” (дрон по раздаче интернета), “tabnabbing” / “tab napping” (кража личных данных путём замены неактивных интернет-вкладок на поддельные в ходе просмотра интернета, к примеру, при просмотре баланса банковского счёта и дальнейшее введение пользователем личной информации на фальшивую интернет-вкладку после возвращения на начальную страницу банка) обычно переводят на русский язык при помощи лексико-семантической замены. Термин “tabnapping” образован на основе слов “tab” (в значении «последующая страница в интернет-браузере, вкладка») и “kidnapping” (похищение); от него появились производные “to get / be tabnapped”, “tabnappers”.

Многие юридические неологизмы, не имеющие чёткого лексического коррелята в другом языке, обычно переводят при помощи объяснения, эквивалентного соответствия или лексико-семантической замены. Значительное увеличение в последние годы в Великобритании количества людей, самостоятельно защищающихся в суде, и одновременно определённое уменьшение гонораров адвокатов, причиной чего аналитики считают общее снижение государственного финансирования судебной системы, от-

разилось и в языке, дав толчок возникновению новых лексических единиц: “do-it-yourself-justice” / “DIY” (защита в суде без помощи адвокатов), “no-win-no-fee service” (оплата гонорара адвокату только при условии выигранного судебного процесса (широко распространённая практика в Ирландии)), “champerty” (ведение чужого судебного дела с получением части исковой суммы или предмета спора в случае выигрыша / неправомерное оказание помощи другому лицу в гражданском процессе с целью получения части выгоды от этого процесса / чемперти), “crowdfunded litigation” (финансирование судебного процесса с помощью сбора денег через интернет, социальные сети и т. п. / краудфандинговый судебный процесс).

Заключение

Суммируя всё вышесказанное, подчеркнём, что приобретение в рамках обучения иностранным языкам навыков адекватной интерпретации профессиональных концептов сопоставляемых языков параллельно с культурологической компетенцией и включением обучаемого в языковые картины мира рассматриваемых языков поможет избежать переводческих ошибок в будущем.

Дата поступления в редакцию

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаманова Ю. В. Ошибки передачи профессиональной коммуникации наземного персонала (на материале перевода на русский язык романа А. Хейли «Аэропорт») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 77–86. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-77-86
2. Ильина Н. Ю. Язык для специальных целей в межкультурном пространстве // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : материалы IV Московского юридического форума. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). М.: РФ-Пресс, 2017. С. 109–115.
3. Калиновская В. В. Страноведческий компонент в преподавании английского юридического языка // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : материалы IV Московского юридического форума. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). М.: РФ-Пресс, 2017. С. 115–120.
4. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста : монография. 2-е изд., расш. и доп. М.: Де’Либри, 2018. 282 с.

5. Лебедева А. А. Проблемы корректной передачи семантической конфигурации текста на другой язык: роль культурологической компетенции и фоновых знаний при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 79–88. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-79-88
6. Максимова Н. В. Современная электроэнергетическая терминология: структурный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 25 с.
7. Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантность английской юридической лексики как проблема перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 180–193. DOI: 10.22363/2687-0088-9359
8. Рзаева С. М. Особенности перевода неологизмов с английского языка на русский (на материале он-лайн газет и социальных сетей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 23 с.
9. Уценко О. И. Особенности формирования терминологических подсистем (на материале терминологии кардиохирургии в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 24 с.
10. Цепков И. В. Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 247 с.
11. Linguosemiotic organization of heterogeneous texts (case study of media and internet texts) / O. I. Maksimenko, N. A. Akhrenova, M. V. Belyakov, Yu. A. Evgrafova // Proceedings of the 3rd International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism” dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich (SCTMG 2020), 27–29 February, 2020, Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute, Grozny, Russia. London: European Publisher, 2020. P. 2121–2127. (Series: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 92). DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.279

REFERENCES

1. Zhamanova Yu. V. [Incorrect interlinguistic transfer of ground services’ professional vocabulary in a literary text (Russian translation of “Airport” by A. Hailey)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 2, pp. 77–86. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-77-86
2. Il’ina N. Yu. [Language for Special Purposes in Intercultural Space]. In: *Pravo i ekonomika: mezhdisciplinarnyye podkhody v nauke i obrazovanii : materialy IV Moskovskogo yuridicheskogo foruma. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskiye chteniya)* [Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education : Proceedings of the IV Moscow Legal Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings)]. Moscow, RG-Press Publ., 2017, pp. 109–115.
3. Kalinovskaya V. V. [Country-specific component in teaching the English legal language]. In: *Pravo i ekonomika: mezhdisciplinarnyye podkhody v nauke i obrazovanii : materialy IV Moskovskogo yuridicheskogo foruma. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskiye chteniya)* [Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education : Proceedings of the IV Moscow Legal Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings)]. Moscow, RG-Press Publ., 2017, pp. 115–120.
4. Lebedeva A. A. *Osnovnyye printsipy professional’no oriyentirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku studentov yuridicheskikh spetsial’nostey: formirovaniye professional’noy lingvokul’turologicheskoy modeli yurista* [Basic principles of professionally oriented foreign language teaching for students of legal specialties: formation of a professional linguocultural model of a lawyer]. Moscow, De’Libri Publ., 2018. 282 p.
5. Lebedeva A. A. [Cross-cultural adaptation of texts: the role of multi-aspect analysis of cultural peculiarities for avoidance of translation mistakes]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no 3, pp. 79–88. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-79-88
6. Maksimova N. V. *Sovremennaya elektroenergeticheskaya terminologiya: strukturnyy i semanticheskyy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern electric power terminology: structural and semantic aspects: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2020. 25 p.

7. Ozyumenko V. I., Chilingaryan K. P. [Polysemy of English legal lexis and the problems of translation]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Linguistics], 2015, no. 2, pp. 180–193. DOI: 10.22363/2687-0088-9359
8. Rzayeva S. M. *Osobennosti perevoda neologizmov s angliyskogo yazyka na russkiy (na materiale on-layn gazet i sotsial'nykh setey): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of the translation of neologisms from English into Russian (on the basis of online newspapers and social networks): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2021. 23 p.
9. Ushchenko O. I. *Osobennosti formirovaniya terminologicheskikh podsystem (na materiale terminologii kardiokhirurgii v angliyskom i russkom yazykakh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of the formation of terminological subsystems (based on the terminology of cardiac surgery in English and Russian): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2021. 24 p.
10. Tsepkov I. V. *Lingvokul'turologicheskiye i pragmaticheskiye faktory perevoda terminov-realiy: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguoculturological and pragmatic factors in the translation of realia terms: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 247 p.
11. Maksimenko O. I., Akhrenova N. A., Belyakov M. V., Evgrafova Yu. A. Linguosemiotic organization of heterogeneous texts (case study of media and internet texts). In: *Proceedings of the 3rd International Scientific Conference "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism" dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich (SCTMG 2020), 27–29 February, 2020, Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute, Grozny, Russia*. London, European Publisher, 2020, pp. 2121–2127. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.279

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Анна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

e-mail: lebsuch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Lebedeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental head, Department of foreign languages, All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia);

e-mail: lebsuch@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедева А. А. К вопросу о проблемах корректной передачи семантической конфигурации юридических терминов на другой язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 96–105.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105

FOR CITATION

Lebedeva A. A. On the problem of correct legal terminology interlingual semantic transference. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 2, pp. 96–105.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105